
Н.В. Романовский
(Москва)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ¹

В статье с учетом перспектив развития отечественной исторической социологии дается обзор особенностей методологии работы социологов в данном направлении. База данных статьи – литература на русском и иностранных языках по исторической социологии, социологические и исторические работы, связанные с проблематикой темы.

Ключевые слова: историческая социология, методика, методология, диахронный, синхронный, базы данных, исторические документы, архивы, математические методы, временное измерение, социологические теории, социальные процессы, междисциплинарность.

Объекты социологического исследования потенциально всегда имеют временное (историческое) измерение. Начиная с определенного уровня сложности решаемой исследовательской задачи у социолога возникает проблема сопоставления данных в пространстве (страны, общества, группы и т.п.) – и во времени, что предполагает обращение к прошлому.

В современной отечественной социологии можно отметить некоторые признаки преодоления того, что Э. Гидденс в свое время назвал тенденцией «репрессии времени в социальной теории» [1, р. 3]. Для российской социологии реализация потенциала исторической социологии стала бы показателем движения по пути,

Николай Валентинович Романовский – доктор исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Социологические исследования».

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант 03-03-0057а.

которым лидеры мировой социологии идут примерно 20 последних лет. Но в связи с более широким применением исторической социологии (далее в тексте – ИС) на первый план выйдут методологические вопросы.

Ниже ИС понимается, во-первых, инструментально – как обращение социолога в процессе исследования к анализу прошлого, к историческим материалам и источникам и, во-вторых, по возможности, в рамках социологического знания. Иными словами, не рассматриваются подходы к исторической социологии, лежащие вне социологической практики, в частности – понимание ее как науки о закономерностях исторического процесса в его глобальном, региональном или страновом аспектах. Эмпирическая база статьи – публикации по ИС и смежным проблемам на русском и иностранных языках, содержание рубрики «Историческая социология» журнала «Социологические исследования» и др.

Как показывает изучение литературы, за последние десятилетия зарубежная социология, используя историческую социологию, сформировала, в частности, ряд новых теорий. Э. Дюркгейм так аргументировал тезис о необходимости обращения социолога к данным истории: «объяснить сколько-нибудь сложный социальный факт можно, только проследив весь процесс его развития во всех социальных видах» [2, с. 151]. По Гидденсу, этого же требует переход социолога от изучения дискретных актов к «*непрерывному потоку поведения*» (курсив Гидденса. – Н.Р.) [1, р. 55]. ИС оказалась применимой (в отличие от терминологически однородных с ИС специальных дисциплин – политической, военной, экономической и т.п. социологии) на всех уровнях и во всех разделах социологического знания. Качественный рост уровня современных социологических теорий, достигнутый благодаря ИС, вероятно, может рассматриваться как показатель того, что ИС является фундаментальным разделом социологического знания.

Обращает на себя внимание также факт интенсификации дисциплинарного анализа социологами преемственности и новаций

в своей дисциплине по известной формуле «На плечах гигантов». Формирование новых социологических теорий в последние десятилетия (может быть, начиная с автобиографического самоанализа Т. Парсонса), как правило, сопровождается социологическим анализом истории самой социологии, что можно назвать исторической социологией социологии. Дискурс истории социологии позволил сформулировать собственные теории таким крупным социологам как Ш. Айзенштадт, Дж. Александер, М. Арчер, Р. Будон, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Р. Коллинз, М. Манн, Б. Мур, А. Турен, М. Фуко, П. Штомпка и др. В отечественной социологии примером аналогичного применения исторического знания стала теория «институциональных матриц» С.Г. Кирдиной [3], в чем-то родственная теории морфогенеза Маргарет Арчер [4] – понятия «матрица» и «морфе» (*греч.* – форма) семантически весьма близки.

Социологическое теоретизирование с применением анализа истории социологии можно назвать тройной герменевтикой. Действительно, здесь к анализу предмета и самоанализу социолога добавлена интерпретация движения собственно социальной теоретической мысли. Иными словами, анализ сущности развития социологической теории и изложение собственной позиции автора дополняет интерпретация тех тенденций в истории социологической мысли, на которые опирается теоретик и которые развивает выдвигаемый им подход к социологической мысли. База истории позволяет теоретику социологии опереться на прочный фундамент данных о движении теоретической социальной мысли, на адекватные оценки современного состояния социологии. Так, например, в книге о современных социологических теориях Дж. Ритцер дважды повторяет, что изложенный им материал «встроен в непрерывный исторический процесс» [5, р. 581, 420]. Недавно (в 1990-е гг.) вышедшие многотомные хрестоматии по американской и европейской «традициям» в социологии под редакцией Дж. Александера, Р. Будона и других ведущих социологов по такой же модели излагают содержание и направления развития социологической мысли

США и Европы [6; 7], чтобы, очевидно, наметить новые возможности существенного прироста теоретической мысли.

В рамках такого же подхода в зарубежной социологии сформирован целый ряд теорий «среднего уровня» – «длительная протяженность», «зависимость от пути» (path dependency), «зависимость» (dependencia), «мир-системы», морфогенез, «развитие» и другие. Историческая социология позволила обогатить целый ряд специальных социологических дисциплин. Это – социология власти, государства, революций, партий, семьи, образования, религии, медицины, империй, цивилизаций, гендера, собственности. В отечественной практике последних лет ИС также позволила добиться определенных результатов. Реконструирован социальный облик слоев общества, сошедших с исторической арены, например, практически неизвестной нашим современникам социальной группы – духовного сословия России, или профессиональной группы извозчиков второй половины XIX в. [8, т. 1, с. 98–110, 339] и др.

Историческая социология, в сущности, решая социологические задачи, сравнивает настоящее с прошедшим, тем самым реализуя фундаментальную методологическую позицию социологии – **компаративность** в темпоральном измерении. Р. Коллинз свою «социологию философий» построил на материале Древней Греции, Рима, Китая, Индии, Японии, стран арабского Востока, Европы и др. [9]. На основе исторических сравнений Я. Алстед [10] продолжил попытки социологической интерпретации закономерностей исторического процесса, над чем работали, в частности, В.О. Ключевский, П.А. Сорокин, А. Тойнби и другие мыслители. С.Ф. Гребениченко раскрыл реальную (в свое время отвергнутую и забытую) альтернативу индустриализации СССР [11] с опорой на слой сельских ремесленников, как это сделали позднее в ряде азиатских стран.

В свою очередь, историческая компаративистика расширила **междисциплинарные** возможности социологии. Собственно, интерес к исторической социологии в 1980-е гг. в большой мере

возродился благодаря междисциплинарным взаимодействиям. С одной стороны, обнаружилось ограничение претензий этнометодологии и социальной антропологии (по известному выражению А. Рэдклифф-Брауна – сравнительной социологии) на ведущую роль в социологическом теоретизировании. С другой, эти дисциплины продемонстрировали ценность историко-социологического материала. Одним из наиболее заметных достижений последнего времени на этом пути стала «археология знания» М. Фуко, нацеленная, считает австралийский социолог Д. Митчел, на создание *истории настоящего* [12, р. 1, 4].

Конечно, в плане междисциплинарного потенциала исторической социологии для социологических исследований речь, прежде всего, идет об истории. Представляется необходимым в этом контексте привлечь внимание социологов к некоторым особенностям исторической науки нашего времени. Современная историческая наука аккумулировала многовековые (около трех тысяч лет) традиции. История со своей музой Клио генетически близка искусству: «Трудно определить, является ли история наукой или искусством» [13, с. 103] – отмечает современный голландский историк Г. Келлингер. История часто несвободна «от ценностей». И в России, и в других странах ее используют как средство воспитания патриотизма путем усвоения гражданами определенных, отобранных аспектов истории страны. С другой стороны, современная историческая наука обогащается методиками точных наук – в России благодаря трудам, в частности, академика И.Д. Ковальченко. С именем Клио связана близкая социологии отрасль истории, построенная на математике, – «клиометрия» [14]. В последние десятилетия историки активнее обращаются к социологическим теориям и методикам, импульсом чему стало, в частности, развитие *социальной истории* [См., напр.: 15]. На этой почве взаимодействие обеих наук стало более всесторонним и плодотворным.

Диапазон междисциплинарных возможностей исторической социологии касается также таких исторических – по российской

номенклатуре научных специальностей – дисциплин как этнология (этнография) и антропология. Поскольку взаимодействие этих дисциплин с социологией имеет давние и плодотворные традиции, не следует считать устаревшей книгу Л.П. Лашука по исторической социологии для студентов-этнографов [16]. Тип исследований, выполненных на стыке социологии и этнографии (этнологии), в литературе по ИС упоминается достаточно часто. Социологи и этнографы и сейчас активно ведут сбор и обработку материалов о малочисленных народах нашей страны, диаспорах [17; 18]. Возможности в этой области лимитированы, прежде всего, продолжительностью жизни. Очевидцев, например, событий 1920–30-х гг. в нашей стране становится все меньше. Сохранившиеся аудио- и видеоматериалы, однако, создают дополнительные возможности. Сейчас записи телепередач 1970-х гг. бесед (структурированные интервью) К.М. Симонова с кавалерами трех орденов Славы вполне могут служить ИС в воссоздании реалий Великой Отечественной войны, увиденные глазами солдата. В целом же о междисциплинарных методологических возможностях исторических наук и социологии можно сказать, в частности, словами Э. Гидденса (в авторском курсиве): *«Логических или даже методологических различий между социальными науками, должным образом понятыми, и историей просто нет»* [1, р. 230]. Смысл слов Гидденса «должным образом понятыми» показан ниже, в том числе на конкретных примерах.

В дисциплинарной специфике истории и социологии не все просто и однозначно. Простота проблем научного применения данных о прошлом лишь кажущаяся. Об этом аспекте исследования целесообразно помнить социологу, поскольку перед ним может встать задача использовать труды историков и, в известном смысле, самому выступить в роли историка. Дисциплинарные различия истории, с одной стороны, и социологии – с другой, были сформулированы во времена полемики позитивистов с неокантианцами (конец XIX в.) [см., напр.: 19, с. 377–378, 379–380] как дихотомия

номотетики (установление общего, имеющего форму законов) и идиографии (изображение объекта в его единичности, неповторимости). Несмотря на минувшие десятилетия, значимость этого различия в известной мере сохраняется. Историки осторожны в обращении к возможному, к будущему, а иногда и к настоящему. Для социолога норма – выход за пределы конкретного факта, обобщение данных, вариативность оценок свершившегося, взвешивание возможных сценариев, анализа причин и потенциала нереализованного. «... темпоральная ориентация, – писал П. Штомпка об историзме трудов Р. Мертона, – требует рассматривать современное состояние дел как некую фазу в непрерывной цепи времен, как *аккумулированный результат* процессов прошлого и как *основа потенциала* будущих процессов» [20, p. 153].

Работа с материалом истории, следует подчеркнуть, ставит перед социологами ряд методологических вопросов. В практике работы с данными такого рода важно различать принципы логического и хронологического: логичное в одних хронологических рамках нуждается в перепроверке в других. Вполне приемлемые синхронные (относящиеся ко времени действий социолога-исследователя) суждения и выводы могут оказаться совершенно неприменимыми к суждениям и выводам диахронным – относящимся к иным временам и эпохам. Несколько упрощая проблему, можно сказать, что недопустим перенос на прошлое оценок, естественных, общепринятых или широко распространенных в настоящее время. Историки от таких ошибок, в какой-то мере, застрахованы профессиональным навыком «критики источника» – тщательное взвешивание всех смысловых аспектов источника в связи с его возникновением. К тому же, социолог имеет дело с реальными носителями памяти о прошлом, и предмет его анализа не умозрительные, чистые конструкции, а сложные, парадоксальные случаи. В качестве примера достаточно напомнить, что для наших соотечественников весь XX в. стал серией, используя категорию Дж. Александера и П. Штомпки, *культурных травм*. В такой ситуации

применение в качестве якобы достоверных исторических данных суждений личных может стать источником приблизительных оценок (или нарратива) с элементами субъективизма. Так, на страницах «Социологических исследований» [21] рассмотрен случай, когда оценка мнений современных респондентов о сталинском периоде отечественной истории давалась автором на основе личного отношения к главной фигуре того времени. Есть примеры свободного, одностороннего обращения с историческими данными и в других трудах современных отечественных социологов [22¹; 23]. Симптоматично, однако, своего рода стихийное движение к исторической социологии как части стратегии социологического исследования. Например, Н.Е. Тихонова, наталкиваясь в эмпирических замерах социальной стратификации на выраженные влияния «традиций», констатирует, что суть механизма этих воздействий неясна, что нужны специальные исследования связей прошедшего с настоящим [24, с. 281–282]. Некоторые описанные в книге Ж.Т. Тощенко «парадоксы» [25] могут быть расшифрованы, скорее всего, путем исследования обстоятельств, формировавших сознание (политическое, экономическое, историческое, этническое и т.д.) российских современников. Возможно, что более чем средний уровень парадоксальности всех видов общественного сознания и общественного поведения современных россиян – результат серии упомянутых выше «культурных травм».

Представляется, что для социолога центр тяжести проблем междисциплинарного взаимодействия социологии и истории переместился в последнее время в сферу качественного анализа эмпирических, в том числе количественных данных. Историческая социология, исследуя данные прошлого, анализируя общий временной контекст, может реализовать собственный дисциплинарный потенциал в виде синтеза качественных методов с количественными измерениями. Симптоматично в этой связи, что новая глава

¹ В издании 2003 г. этот недостаток в известной мере устранен.

(проблемы качественных методов) известной книги В.А. Ядова о стратегии социологического исследования в значительной мере построена вокруг [26, с. 387–449] биографического метода. Дж. Ритцер [4, с. 574–575], что не менее же характерно, определяет автобиографии как метатеоретический инструмент. Можно ожидать, что за признанием важности этих методологических принципов последует более широкое их применение на практике.

Действительно, всякий социологический опрос (анкетирование, интервью) отражает опыт прожитых жизней, отпечатки истории на индивидах. В известном смысле факты истории здесь выражены в данных о месте рождения, поле, образовании, профессиональной карьере, трудовом опыте. Выявляемые опросными методами данные о мотивациях, ориентациях, ценностях, поведении людей всегда связаны с хранимыми ими в своем сознании, в своей памяти отпечатками прошлого. Историческая память и историческое сознание, тем самым, выступают как постоянные компоненты объекта социологического исследования. В этом контексте перспективен поколенный подход (исследователи электорального поведения россиян постоянно наталкиваются на специфику и парадоксы расклада голосов по возрастным группам). Под этим углом зрения методологически близки к обсуждаемой проблематике также устная история (*oral history*) и биографические методы (к тому же в сферу социологии попадают «биографии» обществ, институтов, функций, структур, культур и др.). Применение таких подходов чрезвычайно важно для преодоления разительных порой разрывов между письменной историей учебников и историей, прожитой и пережитой индивидами.

До сих пор речь шла об изучении исторических характеристик современных социологу поколений. За поколениями, с которыми социолог может вступить в непосредственный контакт, стоит череда поколений ушедших. В «ближнем» прошлом коренится лишь часть проблем, с которыми встречается социолог в поиске связей минувшего с настоящим. При необходимости анализа проблем,

корни которых лежат в глубинах прошлого, главной для социолога проблемой становится **создание баз данных** – ключевая и наиболее трудоемкая задача исторической социологии. Основные требования к такой базе данных – она должна быть достоверной и достаточно полной для того, чтобы применить к релевантным данным прошлого дисциплинарные количественные и качественные способы измерений. О том, что это практически означает, говорит следующая деталь. Средняя статья в международном «Журнале исторической социологии» (“*Journal of Historical Sociology*”) содержит около сотни (иногда несколько сот) отсылок к источникам: архивы, пресса, научная литература, публикации документов и т.п. [27].

Напомню, что обращение социолога к прошлому имеет рачужные ограничения. Прошлое по определению не наблюдаемо; с ним нет непосредственного контакта; к нему невозможно применить некоторые стандартные методы современной социологии: опрос, анкетирование, интервью, фокус-группа, наблюдение, эксперимент. Но отсутствие прямого контакта с изучаемым объектом с методологической точки зрения социолог может в известной мере компенсировать. Э. Дюркгейм, например, характеризуя подход к методу эксперимента, изложенный О. Контом, называл использование социологом данных истории методом «косвенно экспериментальным или сравнительным» [2, с. 139].

На выбор пути создания базы данных влияет, прежде всего, фактор отдаления исследуемого феномена во времени. Соответственно, сложность создания адекватной базы данных «качественно» нарастает по мере удаления во времени объекта исследования и уменьшения объема наличных источников. В глубине лет, десятилетий, веков все меньше обычных, появившихся лишь в новое время (примерно три последних столетия) и привычных для социолога статистических данных, учетных документов, прессы, в целом – поддающихся измерению реликтов минувшего. По общему правилу, чем дальше в историю углубляется исследующий

прошлое социолог, тем чаще возникают задачи *реконструкции* или *создания* баз данных.

Работа по обнаружению и отбору социальных исторических фактов по источникам связана с владением социологом некоторыми гранями профессии историка, о которых речь несколько позднее. Сейчас же следует подчеркнуть важность знания специфических возможностей конкретн(-ых)ого метод(-ов)а работы с историческими фактами и источниками данных, овладение им(-и) со стороны исследователя. Не трудно убедиться, что историческая социология не имеет собственных методов и использует методы общесоциологические, кроме тех, с которыми социологи обращаются к живым людям. (Попутно обращаю внимание читателей еще раз на то, что, по моему мнению, отсутствие своих методов и своей терминологии – признаки того, что ИС не специальная социологическая дисциплина, наподобие политической или экономической социологии, а фундаментальная часть социологического знания.)

Нет необходимости специально говорить об использовании в ИС социологических методов. Практика показывает лишь необходимость учета некоторой специфики их применения к прошлому. Можно также констатировать, что опыт использования методов социологии (статистика, досье, наблюдение, в том числе включенное, контент-анализ, компьютер) историками убедительно продемонстрировал большой методологический потенциал, а также эффективность социологических методов освоения прошлого. Эмпирический материал исторических источников, требуемых социологу, – по критерию удаления во времени – можно условно делить на три вида: *наличный (имеющийся)*, *реконструируемый* и *создаваемый* (заново). Первый – это социологический или близкий к нему материал, не нуждающийся в дополнительной обработке, а также вторичный анализ результатов социологических исследований, во все возрастающей мере хранимый в последнее время в электронных базах данных. Потенциал этих трудов, по-видимому, в отечественной практике пока не в полной мере используется в интересах ИС.

Вторичный анализ данных предшественников исследователей-социологов представляется важным источником ИС, позволяя поновому (в том числе с использованием техники и технологий, которых не было во время проведения первичных замеров) оценивать аспекты исследуемой проблемы, проводить компаративный анализ и делать соответствующие выводы. В истории отечественной социологии хорошо известен пример молдавского села Копанка. Материалы его монографического исследования румынским социологом Д. Густы (1880–1955), специалистом по аграрной социологии Западной Европы 1920–30-х гг., достались в наследие социологам советским. В 1960-е гг. исследование было повторено. Результатом стала книга «Копанка 25 лет спустя» (М., 1965). Данные социологов, накопленные в 1920-е гг., не раз использовали в своих исследованиях историки и социологи. В таких порой забытых трудах отечественных социологов английский историк Д. Лэйн в своих работах по истории советского общества находил социологические и статистические данные, относящиеся к 1920–30-м гг. и второй половине XX в. [28]. Б.Н. Миронову данные опросов учащихся начала XX в. об идеалах жизни позволили оценить менталитет будущей интеллигенции страны, а опросные материалы Русского географического общества [8, т. 2, с. 324–325; т. 1, с. 332, 354, примечание 111] – охарактеризовать процессы окрестнянивания городского населения в 1840–1850-е гг. Английский историк М. Перри вернула из забвения данные почтового опроса Русским вольным экономическим обществом сельской интеллигенции о событиях революции 1905 г. в деревне [29]. Число этих примеров можно продолжать. Часть из подобного рода источников пока даже не введена в научный оборот. Например, периодические издания педологов (запрещенное в начале 1930-х гг. и забытое течение педагогики), где часто приводились данные, полученные социологическими методами, пылятся на библиотечных полках.

Реконструкция эмпирической базы данных социологического исследования предполагает изучение литературы и источников,

включая архивные, поиск, сбор и анализ комплекса материалов, их интерпретацию в рамках социологических подходов. Нет необходимости аргументировать важность использования статистических данных в контексте исторической социологии. Однако напомним следующие факты. В пригодном для современного социолога виде статистика существует с середины XIX в.; в применении к более ранней истории требуется сложная специальная реконструкция. В России со второй половины того же столетия складывался корпус земских краеведческих обследований, справочников, специальной прессы, статистических сборников, содержащих социологически релевантные данные о производстве, правонарушениях, этническом или религиозном составе групп населения. В основу ряда работ легла электоральная статистика начала XX в. в России. А.Ю. Рожков в исследовании «Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов» обнаружил и эффективно использовал ценный статистический материал из коллекций центральной и региональной, местной, ведомственной периодики – молодежной, студенческой, красноармейской. Это данные обследований, анкетирования, измерений, хронометражей рабочего дня и др. [30]. Губернские статистические и краеведческие издания 1920-х годов – еще один пример малоизвестных источников по ИС и социальной истории. Таких изданий немало, но они редко используются для сравнительного анализа. Известен эффективный пример сравнительного анализа такого рода – книга «Село *Вирытино 25 лет спустя*» (М., 1958). К сожалению, в последние годы в нашей стране исследователи реже обращаются к исторической статистике и исторической демографии.

Справочные издания, энциклопедии, биографические сборники и другие подобные источники широко использовал П.А. Сорокин в своих работах над социальной и культурной динамикой. Еще в начале своей карьеры в США он собрал по печатным источникам (энциклопедии, биографические справочники, мемуары и др.) данные о 288 умерших и 380 живых миллионерах и

мультимиллионерах США того времени; заключали статью важные социологические выводы [31]. Вскоре последовала статья об императорах, королях и других августейших особах всех времен и народов. П.А. Сорокин в соавторстве с Р. Мертоном в 1935 г. публикует статью о методике сбора данных об арабских ученых VII–XII вв. («Арабское возрождение»). В статье Питирима Александровича о причинах военных конфликтов им использованы данные о 967 войнах [32, с. 8]. В четвертом томе «Социальной и культурной динамики» Сорокин приводит таблицы под номерами 1-18. Их название говорит само за себя: «Средние геометрические креативной пульсации разных подсистем культуры по времени», основанные на «всех именах исторических личностей, упомянутых в “Британской энциклопедии” (9-е издание) по каждому периоду в 50 лет, в каждой конкретной области культуры». В 1960–70-е гг. за рубежом публиковались материалы о советских элитах, составе революционных партий царской России и др. [33], написанные по данным биографических справочников. Аналогичный опыт есть и в современной российской практике: «Социологические исследования» в 1998 г. опубликовали статью о правивших в России с IX по XX вв. князьях, великих князьях, царях и императорах [34]. Исторические экскурсы в подобные справочные материалы совершают исследователи современных политических элит России. Иногда данные такого рода приходится добывать в архивах, как это сделано в исследовании эволюции высшего командного состава РККА за период 1921–1941 гг. [35].

Высокую эффективность в исторической социологии демонстрирует применение контент-анализа текстов начиная с первых сохранившихся письменных документов, библейских текстов и т.п. По материалам французских газет XVII в. американский социолог Ч. Тилли показал, как разрешались проблемы, встававшие на пути формирования современного (*modern*) государства во Франции. Контент-анализ журнала «Нива» [8, т. 2, с. 317 и след.] позволил Б.Н. Миронову выявить установки авторов и издателей

этого популярного журнала и сформировать этику предпринимательского слоя в России в конце XIX – начале XX вв. Анализ фотоматериалов за 1925–34 гг. газеты «Правда», центрального органа ВКП(б), позволил уточнить, в частности, специфику и временные рамки (начало 1930-х гг.) поиска властью новых источников «кадров» и социальной опоры. Интерес архитекторов советского строя сдвигался от пролетариев к инженерно-технической и творческой интеллигенции, военнослужащим, командирам Красной Армии, летчикам и т.д. [36]. Результативным оказался опыт создания с помощью новых информационных технологий банка машиночитаемых данных из 1217 документов (14 тыс. стр.). В них выделены 468 ключевых понятий, автоматически классифицированных и обработанных с помощью программ SPSS/PC+; в результате зафиксированы 42 «альтернативные ситуации» возникновения и реализации альтернатив подхода к промысловому сектору деревенской экономики в СССР в 1920-е гг. [11]. Анализ содержания текстов позволил выявить отношение авторов «толстых журналов» конца 1980 – начала 1990-х гг. к Октябрьской революции 1917 г. [37].

Историческая социология, вероятно, может в определенной мере расширить потенциал методов, традиционно используемых социологией. Так, например, нарратив широко применяется социологами и этнографами, и его использование в исторической социологии, казалось бы, не обещало ничего нового. Но практика междисциплинарного историко-этнологического исследования позволила сконструировать *метод двойного нарратива*. В «Journal of Historical Sociology» (№ 4, 1993) изложено исследование американского социолога П. Фридриха, записывавшего в одной из центрально-американских стран предания племени наранха о героях прошлых поколений, которые [предания] затем исследователь проанализировал и вторично воспроизвел.

Отдельно следует обратить внимание социологов на использование в исторической социологии **архивных материалов**. Осо-

бенностью жанра исторической социологии можно считать то обстоятельство, что исследователю в достаточно частых ситуациях не обойтись без обращения к архивам. Особенно в современной России, поскольку многие содержательные с точки зрения применения в социологии материалы пока не опубликованы в документальных сборниках и в исследовательских трудах историков.

Поэтому приведу некоторые соображения, связанные с работой социологов с архивными документами. Наличие и сохранность архивных материалов в большой степени зависят от характера исторических периодов, что в особой мере иллюстрирует новейшая история России. Революционные периоды, военные годы привели к полной или частичной утрате многих коллекций. До сих пор весьма ощутимо сказывается на возможностях ведения исследовательской работы менявшийся режим секретности с социально значимыми в свое время документами. К примеру, при анализе 1920-х гг. в какой-то мере можно не обращаться к архивам; положение с материалами 1930–1950-х гг. иное: практически социально (не говоря – политически) значимые документы и материалы тогда числились секретными. В силу административной принадлежности на документах, связанных с военной социологией, социологией девиантного, криминального поведения и др., вероятен гриф секретности.

Наиболее близкий к социологии качественный и количественный материал содержит архивные материалы, связанные с подготовкой нормативных актов. Эта работа требовала, по природе процесса законотворчества, систематизированных и структурированных аналитических материалов. Так обстояло дело с [8, т. 2, с. 252] указаниями Екатерины II в отношении наказов депутатам в законодательную комиссию 1767 г. От представительной группы общественно-политических деятелей были высочайше истребованы унифицированные, систематизированные отчеты о положении в губерниях и ведомствах, проблемах и возможностях их решения. То же можно сказать о документах, появившихся во время подго-

товки «великих реформ» Александра II, – реформ 1861-го и последующих годов. Малоизвестна детальная записка (14 апреля 1952 г.) о динамике роста государственного аппарата СССР с 1939-го по 1951 год в связи с намечавшимся его сокращением (проведено в 1954 г.) «О некоторых вопросах работы государственного аппарата». В ней анализируются структуры, особенности разных ветвей и уровней аппарата, характеризуется квалификационный уровень «кадров», состояние нормативной базы, стоимость аппарата. В частности, масштабы бумаготворчества в справке иллюстрируют пуды расходуемой ведомствами бумаги («Главликерводка только в декабре прошлого года направила на периферию различного рода приказов и писем общим весом 45 пудов») и т.п. [38, л. 69].

Современным социологам следует помнить о возможностях кино-, фото- и фоно- и других, порой экзотических, документов (открытки, почтовые марки, экспозиции музеев и др.). Документами из личных фондов частных лиц мастерски пользовалась Н.Н. Козлова [39]. В книге по истории советского общества (редактор Ю.Н. Афанасьев) введены в научный оборот архивные материалы [40] о таких гранях общественного бытия 1920–30-х гг., как снабжение и потребление в условиях постоянных дефицитов и карточной системы, повседневность, реальный облик социальных групп в условиях стремительных перемен, их бюджеты, девиации. А.Ю. Рожков в книге о молодежи Советской России 1920-х гг. [30] в 12 центральных и региональных архивах (70 фондов) обнаружил, например, обзоры перлюстраций писем за границу или – у военнослужащих – переписки с родными и близкими. Меморандумы ОГПУ по содержанию писем моряков Балтийского флота, направленные в ЦК РКСМ (1923 г.), весьма близки даже по форме социологическим исследованиям такого рода. Введены в научный оборот книга вопросов и ответов призывников 1926 г., данные экспериментов по языку красноармейца с охватом 2,4 тыс. человек [30, т. 2, с. 57] и исследований круга чтения, читательских интересов, грамотности. Много социологически релевантного материала

приводит в работах по истории СССР после второй мировой войны [41] Е.Ю. Зубкова. Церковные архивы хранят данные об исповедях (совершенно новый пласт источников информации), о соблюдении верующими праздников, регламентированных церковью обрядов и всех видах воздержания, включая половое, в период постов [8, т. 1, с. 473].

В архивах хранятся так называемые массовые источники, весьма содержательные с точки зрения социологов, поскольку они характеризуют рамки бытия крупных социально-демографических групп, часто не оставивших после себя других документальных свидетельств. Это акты владения участками земли, недвижимостью, данные о призывниках в армию, нормы питания и обеспечения важных групп населения, в советское время – карточки, листки по учету кадров, разнообразные анкеты, антропометрию призывников в армию, в школы ФЗО, РУ, позднее ПТУ, учащихся общеобразовательных школ и т.д. Такого рода архивные данные требуют использования математических методов обработки. За рубежом математические методы в таких ситуациях используются достаточно интенсивно; международное сообщество социологов предпринимает специальные усилия по распространению такого опыта.

Сказанное выше достаточно наглядно показывает методологический и теоретический потенциал исторической социологии. По данному поводу Теодор Адорно в свое время высказался следующим образом: «Исторические взгляд и подход – это не периферия, а самый центр социологии», так как история, по его словам, «конститутивна» для социологии [42, S. 150]. Для перспектив российской социологической науки эти слова представляют весьма значимыми, поскольку указывают направление ее дальнейшего качественного роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Giddens A.* Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. L.-Basingstoke, 1979.
2. *Дюркгейм Э.* Метод социологии // *Дюркгейм Э.* Социология. М., 1995.
3. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.
4. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. М.-СПб., 2002.
5. The Classical Tradition in Sociology: The American Tradition / Ed. by J. Alexander et al. Vol. 1–4. L. etc., 1997.
6. The Classical Tradition in Sociology: The European Tradition / Ed. by P. Boudon et al. Vol. 1–4. L. etc., 1997.
7. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.): В 2 т. СПб., 1999.
8. *Арчер М.* Реализм и морфогенез // Теория общества. М., 1999.
9. *Collins R.* The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge (Mass). L., 2000.
10. *Alsted J.* De menneskelige samfunds udvikling – en kritisk introduction til historisk sociologi. Roskilde, 2001.
11. *Гребениченко С.Ф.* Диктатура и промысловая Россия в 1920-е годы. М., 2000.
12. *Mitchell D.* Critical and Effective Histories: Foucault's Methods and Historical Sociology. L.-N.Y., 1994.
13. Новая и новейшая история. 1997. № 5.
14. *Милов Л.* Академик РАН И.Д. Ковальченко. 1923–1995: труды и концепции // Отечественная история. 1997. № 6. С. 85–109; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987.
15. THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 152–181; Вып. 2. С. 174–189.
16. *Лауук Л.П.* Введение в историческую социологию. М.: МГУ, 1977. Вып. 1–2.
17. *Humphrey C.* Karl Marx Collective: Economy, Society, and Religion in a Siberian Collective Farm. Cambridge e.a., 1983.
18. *Lallukka S.* From Fugitive Peasants to Diaspora: The Eastern Mari in Tsarist and Federal Russia. Saarijärvi, 2003.
19. Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.
20. *Sztompka P.* Robert K. Merton. An Intellectual Profile. Houndmills, Basingstoke, L., 1986.
21. *Романовский Н.В.* Сталинизм и теория институциональных матриц // Социологические исследования. 2003. № 5.
22. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2003.
23. *Рывкина Р.В.* Драма перемен: Экономическая социология переходной России. М., 2001 (Глава III).

24. Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999.

25. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., 2001.

26. Ядов В.А.. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2001.

27. The Journal of Historical Sociology. Oxford, 1986; Обзор журнала за первые десять лет его существования см.: Социологические исследования. 1999. № 9. С. 100–106.

28. Lane D. The Roots of Russian Communism: A Social and Historical Study of Russian Social-Democracy. 1898–1907. Assen., 1969; Lane D. The Socialist Industrial State: Towards a Political Sociology of State Socialism. L., 1976; Lane D. Leninism: A Sociological Interpretation. Cambridge e.a., 1981.

29. Perrie M. The Russian Peasant Movement of 1905–1907, its Social Composition and Revolutionary Significance // Past and Present. Oxford, 1972. No. 57.

30. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар, 2002.

31. Сорокин П.А. Американские миллионеры и мультимиллионеры // Социологические исследования. 2003. № 11 (первая публикация – журнал «Social Forces»). 1925. No. 4).

32. Сорокин П.А. Забытый фактор войны // Социологические исследования. 1999. № 11.

33. Mosse W.E. Makers of the Soviet Union // Slavonic and East European Review. 1968. Vol. 46. No. 106. P. 142–154; Perrie M. The Social Composition and Structure of the Socialist-Revolutionary Party Before 1917 // Soviet Studies. 1972. Vol. 24. No. 2. P. 223–250 et. al.

34. Галкин Е.Б. Некоторые историко-социальные черты российской монархии // Социологические исследования. 1998. № 5.

35. Герасимов Г.И. Высшее военное руководство РККА: анализ данных 1919–1941 гг. // Социологические исследования. 1999. № 8.

36. Sartori R. Pressefotografie und Industrialisierung in der Sowjetunion. Die Pravda 1925–1933. В. e.a. 1981.

37. Грехов А.В. 1917 год в «толстых» журналах 1985–1994 гг.: Опыт историко-социологического исследования // Социологические исследования. 2003. № 7.

38. РГАСПИ. Ф. 17 [ЦК ВКП (б)]. Оп. 131. Ед. хр. 314. Лл. 63–80.

39. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996.

40. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 1–2.

41. Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993; Зубкова Е.Ю. Послевоенное общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999.

42. Adorno T. Vorlesung zur Einleitung in die Soziologie. Frankfurt., 1973.